

КОЛОНИАЛИЗМ

АФГАНСКИЙ ВОПРОС НА РОССИЙСКО-БРИТАНСКИХ
ПЕРЕГОВОРАХ 1905–1907 гг. О РАЗДЕЛЕ СФЕР ВЛИЯНИЯ В АЗИИ

© 2012

К. В. СИМОНОВ

К концу 1905 г. после длительного периода соперничества, взаимной подозрительности и откровенно враждебных действий отношения России и Великобритании приобрели новую динамику. Изменившаяся международная обстановка потребовала начать поиск путей для разрешения противоречий, которые способствовали развитию англо-русского конфликта. Средний Восток был регионом, где концентрировалась основная масса этих противоречий, где наиболее остро сталкивались интересы обеих держав. Вместе с персидской и тибетской решение проблемы Афганистана должно было способствовать снятию этих противоречий и прекращению конфликта.

Ключевые слова: афганский вопрос, великие державы, российско-британское сближение, соглашение по Афганистану.

После поражения в войне с Японией царское правительство крайне нуждалось в урегулировании отношений с Великобританией. Русские власти стремились укрепить свои позиции хотя бы на части тех азиатских территорий, за влияние в которых они вели столь длительную и бескомпромиссную борьбу. России были необходимы гарантии безопасности ее южных рубежей и мирное развитие отношений со всеми соседями.

Британские правящие круги также демонстрировали желание достичь соглашения с Россией. Острога англо-германских противоречий заставляла Лондон искать союзника в лице правительства Николая II. Теперь, когда интересы обеих сторон совпадали, им оставалось лишь прийти к взаимопониманию по разделявшим их до той поры среднеазиатским делам.

Старт англо-русским переговорам был дан в октябре 1905 г., когда российский посол в Лондоне А.К. Бенкендорф заявил министру иностранных дел Великобритании Э. Грью о возможности “достичь дружеского взаимопонимания в отношении Афганистана, Персии и Ближнего Востока”. Видимо, позиция Лондона давала все основания надеяться на это, ибо в скором времени А.К. Бенкендорф передал Э. Грью личное послание русского министра иностранных дел В.Н. Ламздорфа, в котором высказывалось удовлетворение по поводу стремления Великобритании к единству действий с Россией [Adamec, 1965, p. 67].

Вскоре изменился тон русской и британской прессы. 1 апреля 1906 г. петербургская газета “Новое время”, известная до этого своей антианглийской позицией, заявила, что сближение двух держав является естественным процессом. Союз с Великобританией характеризовался ею как “возврат к сердечным отношениям, которые существовали до эры Пальмерстона и Биконсфильда” [Новое время]. Почти одновременно в лондонской “Таймс” появились статьи с призывом к достижению “взаимопонимания с Россией” [The Times..., 16.03.1906].

Дипломатические консультации между Лондоном и Петербургом продолжались до января 1907 г., причем стороны ограничивались обсуждением лишь второстепенных вопросов и не касались деталей предполагаемого соглашения. За кулисами переговоров работали эксперты, тщательно продумывая содержание предложений и возможные аргументы в защиту позиции своих правительств, просчитывали шаги противника, стремясь предугадать его планы и действия. Словом, велась тонкая дипломатическая игра, в которой совершенно не допускались конкретные слова, четкие понятия и внятные заявления, напротив, до определенного момента стороны обходились лишь туманными фразами, полунамеками и предположениями.

В начале января 1907 г. английские власти наконец высказали свое мнение по Тибету и Персии, но медлили с аналогичным заявлением по Афганистану. Британский посол в Петербурге А. Никольсон рекомендовал своему правительству прежде получить от российской стороны проект соглашения по персидским делам, и начальство согласилось с ним [*British Documents...*, 1967, p. 522].

Лишь 23 февраля 1907 г. в ответ на обращение А.К. Бенкендорфа к Э. Грею британский посол сообщил новому главе российской дипломатии А.П. Извольскому о “готовности правительства Его величества обсуждать афганский вопрос” и передал перечень условий, которые ему следовало учесть при разработке ответных предложений [*British Documents...*, 1967, p. 525].

Условия были следующими: Россия признает Афганистан находящимся вне сферы своего влияния и внешняя политика этой страны контролируется Великобританией; английское правительство не возражает против установления прямых контактов по местным вопросам неполитического характера между русскими и специально назначенными для этого афганскими чиновниками; российские власти воздерживаются от направления своих торговых агентов в Афганистан; они прекращают выдачу субсидий для русской торговли в этой стране; английские власти не препятствуют распространению на русских торговцев тех же льгот, которыми уже пользуются во владениях эмира¹ британские и англо-индийские купцы [*АВПРИ*, л. 14].

А.П. Извольский обещал А. Никольсону представить свой вариант соглашения по Афганистану, изучив позицию всех заинтересованных российских ведомств. За этим последовало несколько встреч дипломатов и военных обеих сторон. Обмен мнениями по афганской проблематике продолжился. Вносились дополнительные предложения, излагались новые подходы, шел поиск приемлемых решений. В ряде случаев собеседники высказывались предельно откровенно, находя точки соприкосновения своих позиций и, естественно, не забывая об интересах собственной страны. И англичане, и русские добивались внесения в текст будущего договора условий, которые бы в максимальной степени способствовали закреплению их политических и экономических преимуществ в Афганистане.

31 марта состоялась беседа А. Никольсона с советником российского посольства в Лондоне С.А. Поклевским. Собеседники пришли к единому мнению по ряду спорных вопросов. В частности, С.А. Поклевский дал понять, что предложение о посылке русских коммерческих агентов в Афганистан, возможно, не будет упоминаться в готовящемся проекте соглашения. Английский посол, в свою очередь, убедил его, что “хорошо организованная и оснащенная армия эмира является для Индии даже большей угрозой, чем для России”, а потому британские офицеры не станут заниматься повышением ее боеготовности.

Обсудили дипломаты и возможные формулировки отдельных положений будущего договора. По мнению С.А. Поклевского, в нем следовало точно указать, что Россия и Великобритания обязуются не проводить в Афганистане политику, угрожающую безопасности соответственно индийской и русской границ и не строить агрессивных пла-

¹ В рассматриваемый период эмиром Афганистана был Хабибулла-хан.

нов в отношении друг друга. Однако его собеседник предложил лишь ограничиться обязательством “не аннексировать какую-либо часть афганской территории” [*British Documents...*, 1967, p. 528].

14 апреля 1907 г. военный атташе британского посольства в Петербурге подполковник Г. Нэпир беседовал с начальником Генерального штаба русской армии генерал-лейтенантом Ф.Ф. Палицыным и помощником военного министра генерал-лейтенантом А.А. Поливановым. На встречах обсуждался широкий спектр вопросов, касающихся Афганистана. Начальник Генштаба настаивал на необходимости установления между Россией и этим государством нормальных торговых отношений и убеждал английского дипломата в том, что британское правительство может способствовать этому.

Г. Нэпир и А.А. Поливанов в беседе уделили пристальное внимание военной составляющей афганского вопроса. Ни тот, ни другой не скрывали, что территория Афганистана может использоваться как Россией против Великобритании, так и Великобританией против России. Однако, по мнению обоих, в сложившейся ситуации и Петербург, и Лондон заинтересованы «в сохранении Афганистана как “буферного государства” и готовы договориться об отказе использовать его “в целях разжигания враждебных действий друг против друга”» [*British Documents...*, 1967, p. 530–531].

Контакты с высокопоставленными российскими генералами позволили британскому военному атташе составить довольно четкое представление о позиции царского правительства в афганском вопросе, уяснив, какого рода отношения с Афганистаном устроили бы Петербург. Российским властям также было крайне важно ознакомиться с взглядами английских военных и дипломатов и получить от них более определенную информацию о намерениях лондонского кабинета по самым острым проблемам, связанным с Афганистаном. Теперь обе стороны были готовы точно, со знанием дела предлагать конкретные решения, разрабатывать проекты и формулировать статьи будущего соглашения.

27 апреля 1907 г. в Петербурге Особое совещание по афганскому вопросу рассмотрело предложения британского кабинета, переданные А. Никольсоном А.П. Извольскому 23 февраля. Собранные детально проанализировали каждый пункт британских предложений. Пункты 2 и 5 были приняты без каких-либо оговорок. Расхождения во мнениях выявились прежде всего по 1-му пункту, в котором оговаривалось а) признание Афганистана лежащим вне сферы российского влияния и б) английский контроль над его внешней политикой. С первым положением согласились все участники совещания, но второе было ими отклонено. Наиболее решительно против его принятия высказался министр финансов В.Н. Коковцов, утверждавший, что “признание... контроля Англии над международными сношениями Афганистана” равносильно “признанию английского протектората над этой страной”. Поэтому он предложил “вместо текста второй части первого пункта английских предложений... указать лишь, что Россия отказывается от непосредственных политических сношений с главою Афганистана” [*К истории...*, 1935, с. 29]. А.П. Извольский поддержал В.Н. Коковцова, добавив, что от британской стороны следует потребовать гарантий: “1) что она не будет присоединять афганскую территорию, не будет занимать отдельные ее части и воздержится от всякого вмешательства во внутренние дела страны и 2) что она не предпримет в Афганистане никаких действий, направленных против России” [*К истории...*, 1935, с. 29].

Пункт 3 английских предложений, где оговаривался отказ царского правительства от посылки агентов в Афганистан, также не был принят в первоначальной редакции. Участники совещания высказались за внесение в его текст целого ряда поправок. Так, министр торговли и промышленности Д.А. Философов указал на необходимость добиться подобного же обязательства и от Англии, а начальник Генштаба Ф.Ф. Палицын предложил уточнить, что, “отказываясь ныне от посылки торговых агентов в Афганистан”, Россия оставляет за собой право “впоследствии... возбудить этот вопрос” [*К истории...*, 1935, с. 30]. С точки зрения министра финансов, 3-й пункт следовало

отредактировать, конкретно указав на то, что русское правительство в случае возникновения необходимости направить коммерческого агента в Афганистан предварительно обсудит этот вопрос с британской стороной. Предложения Ф.Ф. Палицына и В.Н. Коквцова признали наиболее отвечающими целям российской политики, и совещание высказалось за принятие такой формулировки пункта 3, которая, учитывая мнение Лондона, оставляла бы за Россией право впоследствии вернуться к обсуждению этого вопроса [*К истории...*, 1935, с. 30].

Многочисленные протесты вызвал и 4-й пункт английских предложений с требованием отказа царского правительства от поощрения русского экспорта в Афганистан. Решительные возражения по этому поводу высказал Д.А. Философов. Он заявил, что никаких специальных премий на вывоз в афганские владения не существует и англичане, видимо, имели в виду особую процедуру, предусматривающую возврат российскими таможенными органами сборов на отдельные виды товаров, а именно: пошлины на хлопчатобумажные изделия и акцизов на сахар и керосин. Однако эта мера, указал Д.А. Философов, “распространена на всем протяжении границ Империи”, а не только на ее афганском участке, а потому “требование Великобритании несправедливо”, и правительству едва ли следует идти ей на уступки в этом вопросе. Точку зрения министра торговли и промышленности поддержал и А.П. Извольский [*К истории...*, 1935, с. 31].

Решения, выработанные на совещании, легли в основу российского проекта конвенции, который 15 мая был направлен А. Никольсону. Царское правительство признавало Афганистан лежащим вне сферы своего влияния, обязывалось “все политические отношения” с ним вести “при посредстве правительства Его величества” и не посылать торговых агентов в эту страну. Оба участника соглашения должны были уважать суверенитет эмира, не вмешиваться во внутренние дела его страны и не пытаться аннексировать какую-либо ее часть. Российская сторона обязывалась не предпринимать мер, угрожающих афганской границе, а британская – использовать свое влияние в Афганистане только в дружественном в отношении России духе. В проекте также говорилось об установлении прямых контактов между властями пограничных провинций России и Афганистана по местным неполитическим вопросам. Статья, посвященная русско-афганской торговле, была целиком выдержана в духе решений Особого совещания 27 апреля [*British Documents...*, 1967, р. 533–535].

Э. Грей, получив проект конвенции, направил его для изучения лицам, ответственным за проведение афганской политики Великобритании. Однако здесь лондонские власти натолкнулись на стойкое сопротивление колониальной администрации Индии. Вице-король Дж. Минто и его окружение выступили против подписания договора с Россией. По словам индийского историка Д. Сингхала, “Минто опасался, что соглашение... приведет к падению британского влияния в Афганистане” [Singhal, 1963, р. 175]. Главнокомандующий англо-индийской армией Г. Китченер придерживался мнения, что заключение союза с Россией нарушит основы афгано-британских отношений, и рекомендовал Лондону отложить на неопределенный срок подписание конвенции [Adames, 1965, р. 69].

Несмотря на разногласия, возникшие с колониальными властями Индии, Э. Грей и другие министры-либералы были настроены твердо следовать намеченным курсом и выступали за скорейшее заключение соглашения с Россией по Персии, Афганистану и Тибету [*British Documents...*, 1967, р. 536]. Ряд важных предложений к британскому проекту афганской конвенции внес постоянный помощник министра иностранных дел Ч. Гардинг. 7 июня он направил Э. Грею докладную записку, в которой подробно изложил свое видение условий англо-русского договора. В частности, он обратил внимание на недостаточную, по его мнению, точность формулировок в проекте А.П. Извольского, раскрывавших содержание политики обеих сторон на границах Афганистана. Ч. Гардинг советовал исключить из текста фразы, где шла речь об обяза-

тельстве России “не предпринимать мер, которые могли бы рассматриваться угрожающими афганской границе”, и о запрете Великобритании “подталкивать Афганистан к принятию любого рода мер, угрожающих России”. Он также поддержал предложение А. Никольсона внести в текст контрпроекта дополнительное условие о том, что прямые контакты между русскими и афганскими властями станут осуществляться только с согласия эмира, а склонить его к этому решению должно британское правительство [*British Documents...*, 1967, р. 540–541]. Эта идея была одобрена Э. Греем, ибо в таком случае Россия лишалась права самостоятельно добиваться поставленной цели (в договоре появилось бы условие об обязательном британском участии в формировании позиции Кабула).

У самого британского министра иностранных дел возражения вызвала 1-я статья российского проекта соглашения, в которой Афганистан назывался “буферным государством”. По мысли Э. Грея, следовало полностью отказаться от данной характеристики и исключить названную статью из договора. На случай, если русские дипломаты решили бы настоять на своем, он готов был предложить компромиссный вариант: в преамбуле конвенции упомянуть о “географическом положении” Афганистана как “стране, лежащей между британской и российской территориями” [*British Documents...*, 1967, р. 536].

Таким образом, к началу июня рекомендации и соображения по проекту А.П. Извольского были полностью изучены в МИД Великобритании. Итогом этого стала разработка контрпроекта на предложения Петербурга. В российский документ был внесен ряд существенных изменений. Не осталось никакого упоминания об Афганистане как “буфере” между азиатскими владениями Англии и России. Статья 1 гласила, что царское правительство признает Афганистан лежащим вне сферы своего влияния и все политические отношения с ним станут вести “при посредстве правительства Его величества”.

В статье 2 речь шла об основах британской и российской политики в Афганистане. Английская сторона обязывалась: а) не аннексировать какую-либо часть Афганистана и не вмешиваться в его внутреннее управление, если эмир останется верен соглашениям, подписанным с британским правительством; б) использовать свое влияние в Афганистане в миролюбивом духе в отношении России и не поощрять его к принятию каких-либо мер, угрожающих российской границе. Заключительная часть 2-й статьи английского контрпроекта касалась обязательств русского правительства, которому также предписывалось не аннексировать какую-либо часть Афганистана, не вмешиваться в его внутреннее управление и не предпринимать шагов, угрожающих его границе.

Статья 3 лишала Россию права направлять торговых агентов в Афганистан, однако с оговоркой, что “в будущем, если развитие коммерческих связей укажет на полезность этого, оба правительства придут к нужному соглашению”. Установление прямых отношений между русскими и афганскими пограничными властями по местным вопросам не политического характера, “с согласия эмира, которого попытается добиться правительство Его величества”, было зафиксировано в 4-й статье английского проекта конвенции.

5-я, заключительная статья содержала обязательство британской стороны использовать все свое влияние на эмира с целью обеспечения действия в Афганистане принципа “открытых дверей и равных коммерческих возможностей” для России и Афганистана [*British Documents...*, 1967, р. 539].

17 июня А. Никольсон вручил текст контрпроекта А.П. Извольскому и в ходе личной беседы с ним детально разъяснил позицию лондонского кабинета. Он указал, что термин “буферное государство” может быть использован лишь в разговорной речи, но никак не в межправительственном соглашении, поскольку в этом случае станут возможны различные его интерпретации. Именно желая избежать двусмысленного

толкования данного понятия, английские власти и исключили из российского проекта всякое упоминание об Афганистане как о “буферном государстве”. Коснувшись обязательств двух стран не вмешиваться во внутренние афганские дела, А. Никольсон выступил в защиту тех условий соблюдения данных обязательств Англией, которые специально оговаривались в предложенном контрпроекте. Не менее настойчиво английский дипломат убеждал А.П. Извольского и в необходимости заручиться согласием афганского правителя Хабибуллы-хана с условиями 4 и 5-й статей британского проекта конвенции. “Мы не можем связать эмира какими-либо обязательствами без его согласия и потому вынуждены сделать соответствующую оговорку”, – указал А. Никольсон [*British Documents...*, 1983, p. 545].

С предложенными Лондоном условиями министр иностранных дел России ознакомил ряд членов кабинета, начальника Генштаба и туркестанского генерал-губернатора Н.И. Гродекова. В течение последующих двух недель афганский вопрос стоял в центре их внимания, но основные дискуссии А.П. Извольский вел в Петербурге с Д.А. Философовым и Ф.Ф. Палицыным. В итоге к началу июля определились три основных положения английского контрпроекта, вызвавших наибольшее число возражений в российских правительственных кругах.

3 июля министр иностранных дел в беседе с британским послом пояснил позицию Петербурга. Прежде всего он заявил о несогласии с британской трактовкой обязательства договаривающихся сторон не оккупировать и не аннексировать какую-либо часть территории афганского государства. По его словам, получается так, что русское правительство должно следовать этому обязательству без всяких условий и оговорок, в то время как Великобритания ставит выполнение аналогичного обязательства со своей стороны в зависимость от действий эмира Афганистана, в частности от соблюдения им положений кабульского договора 1905 г. А.П. Извольский выступил именно против такого, безусловного характера российских обязательств [*АВПРИ*, л. 85].

Вслед за этим А. Никольсону было указано на односторонность решений Лондона по вопросам о торговле и границе. А.П. Извольский, в частности, заявил, что содержание соответствующих статей английского проекта соглашения несомненно выгодно России, но вступление их в силу обусловлено получением на то согласия афганских властей, тогда как все обязательства, накладываемые на Россию, вступают в действие уже с момента подписания документа. С таким положением вещей, делал вывод министр, трудно согласиться.

По проблеме официального установления непосредственных контактов между афганскими и русскими пограничными властями позиции сторон также различались. А. Никольсон, следуя инструкциям, полученным от Э. Грея, настаивал, что осуществление таких контактов возможно лишь между специально назначенными пограничными чиновниками. А.П. Извольский же настаивал на принятии иной, более широкой формулировки, которая допускала бы к участию в них “властей пограничных провинций” [*British Documents...*, 1967, p. 548].

8 июля состоялась еще одна встреча российского министра с британским послом. На этот раз общий тон их беседы был более острым. А.П. Извольский вновь обратил внимание на трактовку Лондоном российских обязательств в отношении владений эмира и заявил о твердом намерении своего правительства внести в текст соглашения статью, в которой обязанность России не аннексировать и не оккупировать какую-либо часть афганской территории ставилась бы в зависимость от развития ситуации в самом Афганистане. Иными словами, Петербург, вслед за Лондоном, хотел получить право на свободу действий в этой стране “в случае изменения положения дел”. Дополнительную остроту беседе придало обсуждение вопроса о прямых русско-афганских контактах. А.П. Извольский еще более решительно высказался за участие в них “властей пограничных провинций” и даже указал, что им следует заниматься урегулированием проблем “широкого плана” [*British Documents...*, 1967, p. 549].

Позиция царского правительства серьезно встревожила правящие круги Великобритании. А. Никольсон доложил Э. Грею, что принятие российских предложений “откроет дверь вмешательству России [в афганские дела. – К.С.]”. Лондон отреагировал в высшей степени оперативно. Получив 8 июля телеграмму из Петербурга, британский министр иностранных дел в тот же день телеграфировал А. Никольсону ответ: “Вы должны объяснить г. Извольскому, что, хотя мы не испытываем никакого желания аннексировать или оккупировать афганскую территорию, страх того, что мы можем это сделать, является для эмира главным стимулом к соблюдению им взятых на себя обязательств... Добровольного согласия [эмира. – К.С.] с условиями соглашения предпочтительнее достичь, сделав [в его тексте. – К.С.] упоминание о необходимости получения такого согласия” [*British Documents...*, 1967, p. 550]. Э. Грей полагал, что российские власти будут удовлетворены объяснениями и примут предложенный проект конвенции, если британский посол гарантирует им, что стремление Лондона добиться одобрения эмиром ее условий продиктовано исключительно желанием Англии “обеспечить... независимость [афганского правителя. – К.С.] во внутренних делах”. Что же касается статьи о российско-афганском пограничном сотрудничестве, то и Э. Грей, и Ч. Гардинг по-прежнему настаивали на принятии своей известной формулировки [*British Documents...*, 1967, p. 550–551].

А. Никольсон, следуя полученным распоряжениям, попытался доказать А.П. Извольскому важность скорейшего одобрения британских инициатив. 13 июля состоялась их очередная встреча, но царский министр не уступил. Он вновь заявил о претензиях российского правительства к предложенному Лондоном проекту. Столкнувшись со столь решительным нежеланием русских властей принять их условия, англичане оставили на время активные попытки добиться реализации своих требований. Э. Грей и министр по делам Индии Дж. Морли, проанализировав сложившуюся ситуацию, подготовили новые предложения, учтя замечания российской стороны. 12 августа А. Никольсон передал А.П. Извольскому меморандум “правительства Его величества”, проясняющий степень готовности Лондона идти навстречу царскому кабинету.

Британские министры прежде всего поблагодарили своих российских коллег за согласие предоставить Англии право свободы действий в Афганистане в случае нарушения эмиром взятых на себя обязательств. Одновременно, “учтя возражения русского правительства по поводу безусловного характера предложенных ему условий не оккупировать и не аннексировать какую-либо часть афганской территории”, британская сторона согласилась не включать в текст конвенции заключительную часть 2-й статьи собственного проекта, где об этом шла речь. В меморандуме также перечислялись обязательства, которые брала на себя Англия по договору: использовать свое влияние в Афганистане в исключительно миролюбивом духе в отношении России, не пытаться изменить сложившуюся там ситуацию и не нарушать существующего политического равновесия в регионе в целом; добиваться принятия эмиром всех без исключения положений соглашения, а не только тех, о которых говорилось ранее; распространять на российских торговцев все коммерческие уступки, которые англичане получают от эмира в будущем.

В Лондоне нашли и несколько иное решение проблемы организации прямых российско-афганских контактов. Не оставив полностью без внимания претензии Петербурга на участие в них властей пограничных провинций, британские власти не отказались и от собственного требования о привлечении к этому лишь специальных лиц. В результате русскому правительству предлагалась такая формула: “Специально назначенные русские и афганские чиновники, находящиеся либо непосредственно на границе, либо в пределах пограничных провинций, имеют право вступать в прямые контакты по местным вопросам неполитического характера” [*British Documents...*, 1967, p. 555–556]. Очевидно, что эта формулировка одного из наиболее важных положений конвенции

была более выгодна английской стороне, позволяя ей максимально ограничить и без того узкие рамки российско-афганских отношений.

А. Никольсон, передавая меморандум А.П. Извольскому, уже знал, что ему следует предпринять, если петербургские власти не согласятся с простым исключением финальной части 2-й статьи. В этом случае, следуя инструкциям Э. Грея, он представил бы альтернативное решение: статья 2 сохраняется в первоначальной редакции, вносится лишь дополнение о том, что “в случае изменения политического статуса Афганистана оба правительства произведут дружеский обмен мнениями по данному предмету”. Впрочем, британский посол полагал, что в самом меморандуме содержится достаточное количество аргументов в пользу его принятия, и ему не придется идти на новые уступки [*British Documents...*, 1967, p. 554].

Однако А.П. Извольский рассуждал иначе. Его действия полностью совпали с наиболее неприятным для Лондона вариантом развития событий. 17 августа на встрече с А. Никольсоном он заявил, что его правительство не может согласиться с положением английского меморандума относительно статьи 2 проекта конвенции по Афганистану. Российский министр иностранных дел был убежден в недостаточности предлагаемого Великобританией шага. По его словам, она “сохраняет за собой возможность оккупации Афганистана, тогда как Россия лишается там свободы действий вообще” [*British Documents...*, 1967, p. 557].

Спустя два дня, 19 августа, А.П. Извольский вручил британскому послу полный текст российского проекта соглашения. Царские власти свели воедино все к тому времени высказанные ими условия. От Великобритании требовалось: не пытаться изменить политический статус Афганистана и не вмешиваться в его внутренние дела; использовать свое влияние только в миролюбивом духе в отношении России и не поощрять эмира к проведению любых мероприятий, угрожающих ей; не аннексировать и не оккупировать территорию Афганистана, если эмир будет выполнять обязательства, взятые им на себя по Кабульскому договору 1905 г.

Россия признавала Афганистан лежащим вне сферы своего влияния и обязывалась все политические контакты с Кабулом вести при посредстве британского правительства, не аннексировать и не оккупировать какую-либо часть Афганистана, не вмешиваться в его внутреннее управление. “Специально назначенные представители российских и афганских властей” могли вступать в “непосредственные отношения для урегулирования местных вопросов неополитического характера”. Провозглашался принцип “открытых дверей и равных коммерческих возможностей” для английских и русских торговцев в Афганистане. В отдельной статье оговаривалось, что “стороны произведут дружеский обмен мнениями, в случае какого бы то ни было изменения в политическом статусе Афганистана”. Наконец, предусматривалось, что конвенция вступит в силу “с момента, когда британское правительство известит российское... о согласии эмира принять ее условия” [*British Documents...*, 1967, p. 559–560].

Министр иностранных дел Великобритании ознакомился с предложениями Петербурга 20 августа. Следующий день ушел у него на консультации с членами кабинета, так что А. Никольсон получил необходимые инструкции лишь утром 22-го. С этого момента переговоры вступили в решающую стадию. Интенсивность контактов российских и британских дипломатов резко возросла. Встречи А.П. Извольского с английским послом следовали одна за другой. Добиваясь приемлемого решения того или иного вопроса, они отказывались от старых своих предложений и снова возвращались к ним, уточняя отдельные положения конвенции, напоминали друг другу об уже взятых обязательствах либо оговаривали новые. Каждый стремился склонить собеседника к безусловному принятию своей позиции. Словом, велся откровенный торг вокруг условий будущего соглашения. Новые инициативы Лондона предусматривали исключение из статьи 2 (в том виде, как она была предложена А.П. Извольскому 17 июня) первого и последнего пунктов и перенос фразы о мирном использовании Великобританией

своего влияния в Афганистане в текст статьи 1, чтобы таким образом в ней одной оговаривались все взаимные обязательства сторон.

Условия главы Форин офиса устраивали А.П. Извольского. Лондонские власти, посчитав, пошли на максимальные уступки, приняв во внимание его критику положений меморандума 12 августа [АВПРИ, л. 200]. Важно было и то, что теперь отпала необходимость продолжать спор, начатый с британским послом, ибо английская сторона согласилась “вступить в дружеский обмен мнениями” с российским правительством “в случае каких-либо изменений в политическом статусе Афганистана” [British Documents..., 1967, p. 556]. О содержании последних предложений Э. Грея А.П. Извольский доложил императору Николаю II. Тот заявил, что одобрит их, если участники Особого совещания по афганскому вопросу единогласно проголосуют за их принятие [British Documents..., 1967, p. 557].

В полдень 24 августа А.П. Извольский, абсолютно уверенный в благоприятном исходе заседания Особого совещания, назначенного на вечер того же дня, вручил А. Никольсону текст окончательного, как он думал, проекта соглашения. Документ состоял из пяти статей. Статья 1 включала обязательства сторон: британское правительство гарантировало, что не имеет намерений изменять политический статус Афганистана, будет использовать свое влияние там исключительно в мирном духе, не предпринимая и не поощряя эмира к принятию мер, угрожающих России. Последняя признавала Афганистан лежащим вне сферы своего влияния, соглашалась не направлять туда коммерческих агентов и дипломатических представителей, а все политические контакты с Кабулом вести при посредстве лондонского кабинета. 2 статья касалась отношений между пограничными властями. Статья 3 провозглашала равенство торговых прав и коммерческих возможностей для русских и англичан в Афганистане. В статье 4 оговаривалось вступление конвенции в силу лишь после получения согласия эмира. Статья 5 гласила, что, “если произойдут какие-либо изменения в политическом статусе Афганистана, договаривающиеся стороны произведут дружеский обмен мнениями по этому предмету” [British Documents..., 1983, p. 80].

Вечером 24 августа состоялось заседание Особого совещания, на котором А.П. Извольский совершенно неожиданно для себя столкнулся с сильнейшей оппозицией. В доказательстве очевидной выгоды условий афганской конвенции для России министра иностранных дел поддержали только П.А. Столыпин, Ф.Ф. Палицын и А.А. Поливанов, остальные же участники заседания критиковали его за чрезмерные, по их мнению, уступки англичанам. В итоге большинством голосов было решено отклонить последние инициативы Лондона [British Documents..., 1967, p. 564–565, 567]. Это означало отказ от условий, уже фактически согласованных на уровне министров иностранных дел.

Британский посол вынужден был запросить новые указания и 26 августа получил распоряжение министра иностранных дел настаивать на уже заявленных требованиях. “Общественное мнение настроено критически в отношении уступок по Афганистану”, – сообщил Э. Грей. А. Никольсон расценил его слова как руководство к действию и 27 августа предложил А.П. Извольскому два варианта решения проблемы: сохранить статью 2 в том виде, в каком она была представлена в британском контрпроекте от 17 июня 1907 г.; вычеркнуть из нее финальную часть при одновременном исключении из текста соглашения и дополнительной статьи 5 (о действиях сторон в случае изменения политического статуса Афганистана) [British Documents..., 1967, p. 571].

Особое совещание постановило принять последнюю альтернативу, о чем А.П. Извольский сообщил А. Никольсону 29 августа. Подписание же конвенции состоялось 31-го. По ее условиям английское правительство обязалось не присоединять и не занимать какой-либо части Афганистана, если эмир будет выполнять условия договора от 21 марта 1905 г.; не стремиться к изменению политического статуса афганского государства; использовать там свое влияние только в миролюбивом духе, не предпринимая и не поощряя эмира к принятию мер, угрожающих России. Российское правительство,

в свою очередь, признавало Афганистан находящимся вне сферы своего влияния и все политические контакты с ним обязалось вести при посредничестве Великобритании. Русские и афганские пограничные власти получали право вступать в непосредственные контакты по местным вопросам неполитического характера. Признавался принцип торгового равноправия держав в Афганистане. Все эти положения вступали в силу лишь после одобрения их эмиром [*Сборник договоров...*, 1952, с. 181].

Английские политики по-разному оценили подписание конвенции. Министры, активно добивавшиеся союза с Россией, были полностью удовлетворены ее условиями. С точки зрения Э. Грея, “Британия абсолютно ничем не пожертвовала в Афганистане”. “Громадным выигрышем” назвал этот договор Дж. Морли [Tripathi, 1973, p. 168]. Их мнение целиком разделял Ч. Гардинг [Hardinge, 1947, p. 31].

Иного взгляда придерживались лидеры парламентской оппозиции. 6 февраля 1908 г. с резкой критикой основных положений конвенции выступил Дж. Кёрзон. По его словам, кабинет уступил России “право ведения непосредственных контактов с пограничными афганскими властями”, тогда как сами англичане “не пользуются таким правом”. Вторая ошибка – “позволение [России. – К.С.] иметь торговых агентов [в Афганистане. – К.С.] в будущем”. С точки зрения Дж. Кёрзона, “торговый агент склонен забывать, что его цель – торговля, и помнит лишь о том, что он просто агент”. Бывший вице-король Индии осудил правительство и за предоставление России равных с Англией коммерческих прав в Афганистане [*The Parliamentary Debates...*, 1908, col. 1017–1019].

Взгляды британских политиков на урегулирование отношений с Россией очень точно охарактеризовал в своих “Воспоминаниях” С.Д. Сазонов, министр иностранных дел в 1910–1916 гг. По его словам, “отрицательное отношение [к соглашению 1907 г. – К.С.] встречалось, главным образом, у лиц, принадлежащих к служебному составу англо-индийского правительства, или у той группы Великобританских государственных деятелей, которые всегда считали началом всякой политической мудрости непримиримую вражду к России” [Сазонов, 1927, с. 27].

Россия, подписав с Англией конвенцию по делам Афганистана, могла праздновать победу. Она получила от британского правительства почти все, чего добивалась долгие годы. Однако в Петербурге не учли или не пожелали учесть того, что, связав с решением эмира вступление соглашения в силу, Россия поставила под вопрос реализацию своего успеха на переговорах. А.П. Извольский и его сторонники переоценили силу английского влияния в Афганистане, сделав ставку именно на возможность Лондона склонить эмира к принятию условий англо-русского договора.

Российские политики полагали, что позиции Великобритании в Афганистане, и без того сильные, упрочились после подписания Л. Дэном в 1905 г. соглашения с Хабибуллой-ханом. Реально же возможности Англии управлять развитием ситуации во владениях эмира были крайне малы. Это была лишь видимость контроля, а на самом деле очень многое зависело от доброй воли самого кабульского правителя. В 1907 г. царское правительство оставило без внимания подлинные интересы эмира, который вовсе не стремился к распространению иностранного влияния в своей стране. В Петербурге сочли, что одно лишь обращение к Хабибулле-хану, одна лишь просьба согласиться с условиями конвенции убедят его в искренности намерений России и Великобритании, докажут их стремление относиться к нему “как к субъекту международного права” [АВПРИ, л. 132].

Таким образом, неверная оценка ситуации в Афганистане и ошибочный взгляд на характер англо-афганских отношений привели Россию к выдвиганию условий, которые не могли быть приняты в Кабуле. Британские власти ошиблись не менее российских. На переговорах они сделали все возможное, чтобы положения конвенции удовлетворили эмира, но не учли того, что любые попытки соседних держав добиться каких бы то ни было преимуществ в Афганистане станут рассматриваться кабульским правителем как угроза независимости и территориальной целостности его владений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Архив Внешней политики Российской империи* (далее – *АВПРИ*). Ф. 147. Оп. 486. Д. 232.
К истории англо-русского соглашения 1907 г. // *Красный архив*. 1935. Т. 2–3 (69–70).
Новое время. 01.04.1906.
- Сазонов С.Д. *Воспоминания*. П.: Книгоиздательство Е. Сияльской, 1927.
- Сборник договоров России с другими государствами (1856–1917)*. М.: Госполитиздат, 1952.
- Adamec L.W. *Afghanistan. 1900–1923. A Diplomatic History*. Los Angeles: University of California Press, 1965.
- British Documents on the Origin of the War: 1898–1914*. Vol. 4. N.Y.: Johnson Reprint, 1967.
- Hardinge C. *My Indian Years: 1910–1916*. L.: John Murray, 1947.
- The Parliamentary Debates* (Authorized Edition), Fourth Series. Third Session of the Twenty-Eighth Parliament of Great Britain and Ireland. L.: Reuter's Telegram Co, 1908.
- Singhal D.P. *India and Afghanistan. 1876–1907. A Study in Diplomatic Relations*. Queensland: University of Queensland, 1963.
- The Times Weekly Edition*.
- Tripathi G.P. *Indo-Afghan Relations: 1882–1907*. New Delhi: Kumar Bros., 1973.